

ВОЗДУШНАЯ СОТНЯ

Необычайный рассказ

С. Бакланова

Станица пригласила около Азовского лимана, а лиман — зеркало в живой камышовой оправе. Да, он живой, этот камыш — он вечно шепчется с волнами, и волны рассказывают ему были морские. Люблю я их переговоры: таинственны они, когда свирепою ночью ветербуян размахивает своими безмерными крыльями по степи и по лиману; ласковы эти переговоры золотым утром кубанским, когда ветер, забыв, что вчера он скандалил, еле дышит шелковой струей.

Я очень люблю и станицы, пригревшиеся около приморских лиманов. Пышные станицы. Зарылись в садах, раз'ехались верст на пятнадцать; взглянешь на крышу пней станичной хаты — какая пыльная камышовая крыша!

Вы, может быть, думаете, что очень скоро можно разыскать в станице друга своего, какого-нибудь казака Федоренко. «Как Федоренко не знать, — думаете вы, — он уроженец этой станицы». Вот и ошиблись. Встречаете вы встречного-поперечного:

— Где Федоренко живет?

— Какой Федоренко?

— Денис Федоренко. Он здешний уроженец.

— Эх, голубок, — говорят вам, — мало что уроженец. Вы вот скажите, к которому краю станицы хата его. А так невозможно у нас всех Федоренков разгадать — какие Денисы, какие Иваны. До исполкома шагайте.

Идете вы в исполком, и там, в спешке засаленных книг, пропотев часа два, находите, наконец, задушевного друга своего Дениса Федоренко.

**

В этой станице, про которую я говорю, жил человек знаменитый, Федот Щелкин.

Рисунки художника

В. Голицына

Его хату знала вся станица. Смело можно было спрашивать:

— Где живет Федот Щелкин?

Но направляли вас в исполком, сразу давали адрес:

— А вот, добрый человек, видишь улочку? Иди по ней, все иди, пока бурю свинью с полосатыми поросятами не завидишь. Как завидишь, знай: у самой ты хаты Федота Щелкина. Это его бурая свинья, — она далеко не заходит.

В послереволюционные времена Федот Щелкин славу себе приобрел. Приехал он из Рязанской губернии и наконец поселился в станице. Застучал молотком по подметкам, и ветром разлетелась молва:

— Эге, а Федот Щелкин не видали ли сапоги мастерит. Ну, прямо тебе: не сапоги — картинка!

Со времен буденовских, с тех времен, когда квартировала в станице наша героическая кавалерия, сапожная мода уюорепилась. Самый последний казак не будет теперь чулки носить, и потому Федоту Щелкину, великозному сапожному мастеру, — слава.

А сапожник Федот Щелкин — и хлебороб. Сапожное дело позволило Федоту и домашность приобрести. Были есть, кони есть, прочая скотина, птица всякая.

Рязанский Федот. Темнотой прославилась его родная губерния, но знаменитый сапожник грамотен куда хлеще исполкомовских писарей. Читать до смерти любит. Выписывает Федот всякие журналы да газеты, и до четырех с полтиной в месяц на это удовольствие выкладывает.

Заглянет вечерком к Федоту лекарский помощник, а у сапожника очки на носу, — уткнулся в печатные листы Щелкин. Лекном — первый приятель Федота. Служит лекном в станичном сумасшедшем доме.

**

Своей жене Ксения, отведя глаза от картинки журнала, на которой был изображен лежащий аэроплан, сказал однажды Федот:

— Видишь, какая штука. Тридцать тысяч, тут пропечатано, аэроплан стоит. Подумать толком—оно и не так, чтобы дорого. Лёг ведь. С другой стороны—ну, пожелаю бы, скажем, я аэропланное удовольствие себе доставить. Могу ли? Куда там! Аэроплан да еще ангару для него. Н-да.

Заколыхалась на стуле Ксения.

— С чего это тебя на аэропланное удовольствие потянуло?

— Хочется страсть полетать. Люди по небесам зашнырявают, а я на быках. Обидно.

— Вот тебе, здравствуйте, — только и сказала Ксения.

И стал Федот частенько думать: почему это он на быках, когда люди по небесам летают, и как бы добиться, чтобы без тридцатитысячной затраты можно летать было.

Не только Ксения, но и локном из сумасшедшего дома беспокоиться начал:

— Не клепки ли в голове раскочалась у Федота?

Беспокойство передалось на соседей. По станции пошел разговор:

— Наш небывалый мастер сапожный свихнулся на аэропланах.

Жалели соседи Федота...

**

К станции робко прокрадывалась южная зима. Кажется, вот-вот нагрянет. Мороз утренниками уже цепляется за уши—смотришь, в полдень отпустило, и ноябрьское солнце по-весеннему пригревает.

Лиман стонал птичьими голосами—слетелось перчатых гостей видимо-невидимо; в пору им за места на лимане воевать. Гуси и лебеди держались на середине: сторожкую позицию соблюдали, а утки жирные, нахальные круглились у берегов. Недавно убралась африканская гостья—птица-баба; эта зобастая птица весь октябрь грузно плавала в воздухе над станцией.

Прошла неделя, как отпраздновали наш красноцветный, радостный праздник, — Октябрь в ноябре.

Дымными тучами укрылось солнце, мокрые спицы дождя повисли, и провисели они три дня, раскиселив липкую черноземную грязь.

Похолодало. Зима обрадовалась, толкнула под бок деда Мороза:

— Не зевай!

И мороз грянул. Солнце опять с ним в схватку, но на этот раз осилил дед: развесил серебряные махры по деревьям.

Лиман опустел: в мокрую мрачную ночь учуяла птица, что настала пора одолевать трудный путь через волнистую пустыню морскую. В эту мокрую ночь ветер-буян не мог перекричать командных призывов птичьих армий.

Шел Федот Щелкин утром морозным по берегу замолкшего лимана. Вышел Федот из-за камышовой косы и напоролся прямо в упор на журавлиное войско. Замер Федот и журавли шеи вытянули.

«Чего это не летят?»—думает Щелкин.

Шагнул—не летят, только чуть-чуть отступили.

«Ага, — догадался Федот, — морозом после дождя у них скованы крылья. Запоздали голубчики!...»

Ближе подошел, вплотную.

«Так, так,—сказал сам себе Федот,— а ну-ка я их попробую забрать».

Отхватил он пожом камышину и погнал журавлей от берега; и пригнал их к станции.

Гонит Федот журавлей по станичной улице, радуется, как малый, а станичане из хат повысыпали:

— Куда гонишь такую силу?—спрашивают.

— Домой,—говорит Федот.

— На перо побьешь, что ли?

— Зачем на перо. Кормить буду.

— Да ведь они обожрут тебя.

— Авось, не обожрут.

Пригнал Федот к своим воротам журавлиное войско:

— Растворай, Ксения!

Заахала супруга сапожника:

— Стумел ты, что ли?—спрашивает его.

— Растворай ворота, тебе говорят!—Суров стал голос у Федота, и испуганная Ксения побежала ворота растворять.

Освободив одну клуню, загнал в нее Федот журавлей и запер. Пересчитал их и улыбнулся:

— Аккурат сотня.

**

Оттаяли журавли, живут. Плачется Ксения по соседским хатам:

— Овец стеснил для своей журавлиной силы. Хлебным месивом кормит этих голенастых чертей, сколько добра переводит. А голова против не смея сказать—так и рывкнет.

— Не допытывалась, зачем он журавлей прикормил? — спросил Ксению казак Луговой.

— Летать на них хочет. Особенную сеть рыбаку Максиму Корню заказал. Тоже в конеечку в'едет.

— Неужли и сеть заказал?! — ахнул Луговой.

— Заказал, горюшко. Узду для жожака, который стаю направлять будет, сам мастерит. И сбрую для журавлей прочих. Страхи меня берут, как подумаю, что Федот птицу взнуздать задумал.

— Это летучее счумение у Федота, — сказал казак Луговой, — лечить его надобно. Ты бы, Ксения, до бабушки Власихи добежала.

— Думала я, да накостиляет он Власихе, пожалуй. Очень не любит ее.

— Придет беда — отворяй ворота. — вздохнул Луговой.

**

Посреди своего просторного двора Федот Щелкин делал удивительные опыты с журавлем. Журавль был взнуздан и по-особенному взнуздан. Сбоку его покатога затылка, около каждого скрытого птичьего уха, были укреплены на ремнях медные кольца. От колец к федотовым рукам тянулись веревочные вожжи. Когда дергал Федот правую вожжу — журавлиный клюв поворачивался направо, когда дергал левую — клюв налево кривился. Если обе вожжи натянуты — что же остается журавлю, как не задрать голову. Так учил Федот жожака летать по его, Федотову, желанию — направо, налево, а когда нужно — забираться повыше.

Однажды заскрипела калитка и вошел приятель Федота, лекном, уже не один: с ним был гражданин в золотых очках — главврач сумасшедшего дома. Федот не заметил вошедших, — в свои птичьи опыты очень погружился.

— Видите, Валериан Николаевич, — сказал главврачу тихонько лекном, — какие у него яркие признаки летучего психоза.

Главврач улыбнулся от эдакого необыкновенного диагноза и заметил:

— Проверим, действительно ли летучий психоз, но покуда не будем ему мешать.

И «медицина» вошла в хату.

Самовар уже запел тоскливую сомоварную песню, когда, после третьего оклика Ксении: «Иди же, наконец, счумелый, чай пить», — в хате появился Федот. Увидел он гостей, поздоровался, затем гости полуголечку приступили к проверке умственных способностей сапожника.

— Когда же вы думаете лететь? — спросил врач Федота.

— Раньше весны где же, — ответил Федот. — К рождеству Максим Корень сеть свяжет. До февраля надо мне за птичьей сбруей посидеть. Жожака придется учить месяца три. Практический расчет еще произвести надо. Много заботы.

— Какой практический расчет?

— А как же. Вот, скажем, я — человек кволий, однако, четыре пуда тяну. Поклажу с пуд взять рассчитываю, значит, пять пудов есть. Сеть, сбруя — их тоже нужно считать. Журавлей сотня: по два фунта с гаком на каждого приходится. Но ведь журавль журавлю рознь, которому четыре фунта поднять, как чихнуть, а другой — послабее. Вот и должен быть расчет, какова всех моих журавлей летная сила. Может, мне от пудовой поклажи совсем придется отказаться.

На другой день после проверки лекном сказал Ксении:

— Вы тово... стало быть, не тревожьтесь. У вашего супруга такой крепкий мозг, что дай бог всякому. Верю теперь и я, — обязательно он полетит... Ах, да чего ж ваш супруг башковитый!

Славу сапожную Федота пополнила новая слава. Станичане с нетерпением стали ждать весну. Частенько забегали к Федоту:

— Ну как, не хворают?

Журавли не хворали — жирели от хлебного месива, сил набирались.

**

Хорош февраль на Кубани. Соленые струи по степи плывут. Солнце торжествующее. Нет уже простыни снегов: она

ручьями в балки скатилась. Между тем, лукав на Кубани февраль... Сегодня денек — радость, завтра денек — красота, а послезавтра, глядишь, как запоет поэмка:

— Взы-и-и... взы-и-и...

Приготовления Федота к полету отразились на основном творчестве знаменитого сапожника.

Взял казак Коцуба новые хромовые сапоги, смотрит — выточены не по-щелкински.

— Эге, что же ты? — сказал Коцуба Федоту.

— Подкачал, — сознался Федот, — вижу, что подкачал. Извиняй, — все журавли эти. Только о них все мои думы.

Подшел день первого полета, — праздничный день. Уже с раннего утра беспокоилась станция. Казаки, их жены, дети словно пчелы гудели по хатам. Только и слышалось:

«Когда ж, да когда ж Федот станет выводить журавлей в стень?»

С самых дальних окраин станции посылали гонцов до Федота с вопросом:

— Когда ж?...

— Не ранее полдня, — был ответ, — в журавлиной сбруе есть непорядок.

Нестерпимо медленно двигалось время. Казаки не вытерпели: казачья громада вывалилась из хат, войском потекла по улицам к хате Федота.

Когда дергал Федот правую вожжу, журавлиный клюв поворачивался направо; когда дергал левую, клюв налево кривился. Если обе вожжи натянуты, — что же остается журавлю, как не задраить голову?... Так учил Федот вожака летать...

Знаменитого сапожника оторвали от дела: — Будет тебе морить народ. Выводи!

Казачья громада, жаждущая невиданного зрелища, чуть не волоком вытащила Федота с его сетью, сбруей и журавлями.

В середине сети были устроены дыры для ног. Прорез в них Федот ноги и зашагал со своим птичьим отрядом, захватывая улицу во всю ширину. Впереди этого шествия из хат выскакивали люди. Казачья громада рывкала зверем на выскочивших:

— Дорогу давай ему! Не мешай! Хочешь глядеть — на плетень лезь!

Когда вывел Федот журавлей в стень, Ксения протяжно завывала. Впрочем, с утра она уже пятый раз принималась причитать.

От воя Ксении дрогнули казаки, дрогнул и сам необыкновенный летчик. Он крикнул:

— Ну, землячки милые, отлетать время! Коли со мной что пеладное случится — жену не оставьте.

— Летай, не оставим! — многогласо гаркнула толпа.

Федот натянул вожжи, две сотни крыл распахнулись — журавли побежали. Подняли легко. Сеть, окаймленная стройным птичьим отрядом, поплыла над бархатом трав.

Треугольник с наутинной и запятой по середине вползал все выше и выше. Наконец, исчез треугольник. Молчаливая, как задремавший бор, долго стояла казачья громада. Как только исчез треугольник, казак Коцуба «пробудился».

— Понесли, — сказал он, — потащили нашего небывалого Федота.

**
**

Уже целый час летел Щелкин, уже давно ушла назад земля, — под Федотом кипело Черное море.

Безмерно широкое, бескрайное водное пространство представлялось сверху темно-синей пустыней с раскиданными по ней громадными белыми перьями, — по морю гудела зыбь, волны опрокидывались пенными гребешками.

Сбоку Федота, вытянув ноги, журавли туго махали крыльями.

Вдруг Щелкин заметил вдали, на бирюзовом горизонте, дымок.

— Эге,—сказал сам себе Федот,—видимо, пароход. Надо будет показать себя на журавлях.

Щелкин направил жожака на дымок, и жожек, словно угадав мысли своего хозяина, начал снижаться. Пароход, рассекая пеннстую зыбь, быстро катил навстречу. Вдруг один из пассажиров парохода, вооруженный биноклем, крикнул:

— Граждане, да не сошел ли я с ума! Е нам человек на журавлях по воздуху сыпет!

И пассажирами и экипажем парохода овладело паническое любопытство. Каюты опустели... Даже повар, бросив крайне ответственную работу,—он разделявал индюка на пять персон,—вылез в колпаке и поварской прозодежде на палубу.

Федот, между тем, набив трубку сухумским табаком, задумал распалить ее. Снял Федот свою каракулеву кубанку и стал на сети прилаживаться. Чиркнул он одну спичку—не закурилось,—погасла; чиркнул другую,—эта загорелась и, быть такой беде, разом вспыхнула вся коробка. Ветер раздул огонь,—огонь ухватился за подкладку кубанки, прожег, уцепился за вату.

Если бы дождь на этот случай, был бы спасен Федот. Да, на грех, небо чистое, ни единой тучки на нем. От пылающей кубанки загорелась сеть, и необычайный журавлиный летчик в пропаленную дыру ухнул... И упасть пришлось ему прямо в море, у самого борта парохода...

А журавли покружились-покружились над пароходом—(как только провалился Федот, тут же и сеть погасла), жалобно покурлыкали, и полетели, спуганные сбруей, на север.

В Тамбовской губернии, спускаясь на кормежку, зацепились птицы сетью за ивы и к мужикам в плен чуть не попали. Но у журавлиной сотни сила большая: рванулись голенастые, когда бежала по полю вся великолепная деревня, и оставили мужикам только обрывки веревки на ивах плакучих...

Загорелась сеть, и журавлиный летчик в пропаленную дыру ухнул...